

Л.В. Суханова

Понтий Пилат

«Сын короля-звездочета, жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Золотое Копье» появляется в романе ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана во дворце Ирода Великого. Запах розового масла, источаемый кипарисами и пальмами в саду, вызывает у него гемикранию — ужасную болезнь, при которой нестерпимо болит полголовы. Прокуратор едва может говорить и старается не шевелиться.

К Пилату на балкон приводят подследственного из Галилеи, который уже был приговорен к смерти Синедрионом, и прокуратору лишь надлежало утвердить приговор. Перед Пилатом предстает человек лет двадцати семи, одетый «в старенький и разорванный голубой хитон. Голова его была прикрыта белой повязкой с ремешком вокруг лба, а руки связаны за спиной. Под левым глазом у человека был большой синяк, в углу рта — ссадина с запекшейся кровью». Это Иешуа по прозвищу Га-Ноцри, бродячий философ.

Пилат спрашивает: «Так это ты подговаривал народ разрушить ершалаимский храм?» Человек со связанными руками начинает отвечать: «Добрый человек! Поверь мне...» Прокуратор перебивает его: «Это меня ты называешь добрым человеком? Ты ошибаешься. В Ершалаиме все шепчут про меня, что я свирепое чудовище, и это совершенно верно». Он вызывает кентуриона по имени Марк Крысобой и приказывает тому объяснить арестанту, как следует разговаривать с прокуратором Иудеи. Крысобой при помощи бича быстро внушает Иешуа почтение к высокому начальству.

Выясняется, что сириец Иешуа по прозвищу Га-Ноцри родом из города Гамалы, родителей своих не помнит, жилища постоянного не имеет («Бродяга», — уточняет Пилат). Иешуа грамотен, кроме арамейского владеет еще и греческим.

Пилат снова возвращается к разговору о храме. Свидетели показывают — Иешуа подговаривал разрушить храм.

«Эти добрые люди, — заговорил арестант... — ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он неверно записывает за мной».

Иешуа объясняет, что за ним ходит и записывает все его речи Левий Матвей, бывший сборщик податей, отрекшийся от своей малопочтенной профессии. О храме же он, Иешуа, говорил, чтобы слушателям было понятно, следующее: «Рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины».

Не выдержав, Пилат прерывает арестанта: «Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?»

Ответ гласит: «Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. Ты не только не в силах говорить со мной, но тебе трудно даже глядеть на меня. И сейчас я невольно, являюсь твоим палачом, что меня огорчает. Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан. Но мучения твои сейчас кончатся, голова пройдет».

И в самом деле, страдания Пилата кончаются. Иешуа предлагает ему погулять в окрестностях города. «Прогулка принесла бы тебе большую пользу, а я с удовольствием сопровождал бы тебя. Мне пришли в голову кое-какие мысли, и я охотно поделился бы ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека... Беда в том... что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей. Ведь нельзя же, согласишься, поместить свою привязанность в собаку. Твоя жизнь скудна, игемон...»

Секретарь, пишущий протокол допроса, пугается, ожидая ужасного гнева игемона, но Пилат приказывает развязать руки арестанта. Он также требует от Иешуа клятвы, что тот не призывал к разрушению храма. «...Хотя бы жизнью твоею... ею клясться самое время, так как она висит на волоске, знай это!» — «Не думаешь ли ты, что ты ее подвесил, игемон? — спросил Иешуа, — если это так, ты очень ошибаешься». — «Я могу перерезать этот волосок», — ответил Пилат. «И в этом ты ошибаешься... Согласись, что перерезать волосок уж наверно может лишь тот, кто подвесил?»

Пилат спрашивает, почему Иешуа все время говорит «добрые люди». «Ты всех, что ли, так называешь?» — «Всех, — отвечает тот, — злых людей нет на свете». — «А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобой, — он добрый?» — «Да, — ответил арестант, — он, правда, несчастливый человек. С тех пор, как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств...»

В это время перед Пилатом стремительно промчалась ласточка, и за мгновение ее полета в голове прокуратора «сложилась формула»: в деле бродячего философа отсутствует состав преступления, вследствие чего он, Пилат, не утверждает смертный приговор, вынесенный Синедрионом — бродячий философ оказался душевнобольным...

Но тут секретарь подает Пилату какой-то кусок пергамента. Пробежав его глазами, игемон меняется в лице и грозно спрашивает Иешуа (правда, взглядом он силится послать ему какой-то, намек), знает ли тот некоего Иуду из Кириафа и говорил ли этому Иуде что-либо о кесаре?

Иешуа охотно отвечает. Да, вчера он познакомился с молодым человеком из города Кириафа по имени Иуда («очень добрый и любознательный человек»), который пригласил его к себе домой, принял очень радушно и попросил высказать свой взгляд на природу государственной власти.

Пилат вопросами и взглядами подсказывает Иешуа спасительные для него ответы, однако тот говорит только правду («правду говорить легко и приятно»). «В числе прочего я говорил, — рассказывает арестант, — что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть... Тут вбежали люди, стали вязать меня и повели в тюрьму».

«На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной власти, чем власть императора Тиверия!» — выкрикивает Пилат сорванным голосом, дабы обезопасить себя от возможного доноса.

Он приказывает оставить его наедине с преступником и снова спрашивает Иешуа: считает ли он, что Марк Крысобой, «холодный и убежденный палач», или «грязный предатель Иуда» и есть «добрые люди»? — «Да», — коротко отвечает тот. «И настанет царство истины?» — «Настанет, игемон». — «Оно никогда не настанет!» — закричал Пилат страшным голосом.

После этого Пилат вызывает секретаря и объявляет, что смертный приговор утвержден им. Затем прокуратор встречается с иудейским первосвященником Каифой, поскольку им надлежит совместно решить еще одно судебное дело. Вместе с Га-Ноцри в заключении находится и еще один преступник, Вар-равван. Согласно обычаю, в честь наступающего праздника Пасхи, одного из двух приговоренных следовало отпустить на волю Пилат осведомляется — на кого падает выбор Синедриона? Каифа отвечает: Синедрион решил отпустить Вар-раввана.

Пилат удивлен, ведь Вар-равван не только прямо призывал к мятежу, но еще и убил стражника. Прокуратор просит Каифу пересмотреть приговор и освободить менее опасного — Га-Ноцри. Но Каифа твердо стоит на своем и трижды повторяет решение Синедриона. «Все было кончено, и говорить более было не о чем. <...> ...Показалось смутно прокуратору, что он чего-то не договорил с осужденным, а может быть, чего-то не дослушал». Среди неоформленных чувств Пилата промелькнула на мгновение и смутная

мысль о пришедшем бессмертии. «Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке».

Гнев охватывает Пилата, и он с угрозой обращается к Каифе: «Вспомни мое слово, первосвященник. Увидишь ты не одну когорту в Ершалаиме, нет! <...> Тогда услышишь ты горький плач и стенания! Вспомнишь ты тогда спасенного Вар-раввана и пожалеешь, что послал на смерть философа с его мирной проповедью!»

С помоста на площади, заполненной народом, Пилат объявляет приговор: «Четверо преступников... приговорены к позорной казни — повешению на столбах! И эта казнь сейчас совершится на Лысой горе! Имена преступников — Дисмас, Гестас, Вар-равван и Га-Ноцри». В завершение своей речи Пилат объявляет, что Вар-раввану в честь Пасхи возвращают «его презренную жизнь».

К вечеру над иудейской столицей сгущается тьма. «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город... опустилась с небес бездна... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана».

Прокуратор в это время находился на балконе, нетерпеливо ожидая чего-то. Наконец перед ним возник начальник тайной службы Афраний, наблюдавший за казнью на Лысой горе. Он сообщает Пилату, что Га-Ноцри отказался выпить кубок, полагающийся осужденным перед казнью, и сказал, что никого не винит в том, что у него отняли жизнь, и еще добавил зачем-то, что одним из самых тяжких человеческих пороков он считает трусость.

Выслушав отчет Афрания, Пилат отдает приказ принять меры по охране Иуды из Кириафа, предавшего Иешуа. Есть сведения, как бы невзначай бросает Пилат, что Иуду хотят убить тайные друзья Га-Ноцри. Пилат говорит так туманно и в то же время искусно, что привыкший к полунамекам Афраний понял: ему приказывают организовать убийство предателя.

Поручение это исполняется в ту же ночь. Иуду заманивают в Гефсиманский сад, где трое неизвестных нападают на него. Кошелек с тридцатью тетрадрахмами вместе с запиской «Возвращаю проклятые деньги» в темноте подбросили в дом первосвященника.

Оставшись один, Пилат уселся в кресло и кликнул Бангу. В глазах гигантского остроухого пса светилась радость от того, что он был рядом с человеком, которого «любил, уважал и считал самым могучим в мире, повелителем всех людей, благодаря которому и самого себя пес считал существом привилегированным, высшим и особенным». Чужая, что хозяйина посетила беда, пес пытается утешить его и кладет голову ему на колени. «Так оба они, и пес и человек, любящие друг друга, встретили праздничную ночь на балконе».

В полночь прокуратору наконец удалось заснуть. Во сне он идет вверх по светящейся дороге, к луне, и Банга сопровождает его, а рядом шествует бродячий философ. «Они спорили о чем-то очень сложном и важном, причем ни один из них не мог победить другого. <...> Сегодняшняя казнь оказалась чистейшим недоразумением... Казни не было! Не было!»

Во сне он чувствует, что пойдет на все, чтобы спасти от казни этого безумного мечтателя. А тот внушает Пилату: «Мы теперь всегда будем вместе». «Раз один — то, значит, тут же и другой! Помянут меня, — сейчас же помянут и тебя! Меня — подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя — сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы». И жестокий прокуратор Иудеи «от радости плакал и смеялся во сне».

Пробуждение Пилата было ужасно. Первое, что он вспомнил: казнь была! Несколько отвлекло его от тревожных дум появление Афрания, сообщившего, что уберечь Иуду не удалось. Пилат долго обсуждал с начальником тайной стражи детали убийства. «“А я желал бы видеть, как они убивали его”, — протянул Пилат несколько даже мечтательно.

“Убит он с чрезвычайным искусством, прокуратор” – ответил Афраний, с некоторой иронией поглядывая на прокуратора».

Афраний поведал также, что некий Левин Матвей похитил тело Га-Ноцри и спрятал в пещере, но стража была настолько благосклонна, что разрешила ему участвовать в погребении. Всех трех казненных в тот же день похоронили в глубокой яме, а яму засыпали и завалили камнями.

Пилат пожелал увидеть Левия Матвея и попросил его показать пергамент, на котором тот записывал сказанное Иешуа. Написанное трудно было понять, ибо эти корявые строчки представляли собой несвязный ряд каких-то изречений, дат, хозяйственных заметок и поэтических отрывков. Среди всей этой мешанины Пилат разобрал: «большого порока... трусость».

Прокуратор предлагает Левию должность и деньги, но тот отказывается взять что-либо у человека, обрешего Иешуа на гибель. Глядя на прокуратора горящими глазами, Левий шепчет: «Я зарежу Иуду, я этому посвящу остаток жизни».

«Наслаждение выразилось в глазах, прокуратора», когда он вымолвил: «Иуду этой ночью уже зарезали». — «Кто сделал это?» – выкрикивает Левий, и слышит в ответ: «Это сделал я».

К утру Пилат успокаивается на своем ложе. Рядом с ним посапывает во сне Банга. «Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат», — этими словами заканчивался роман мастера о Пилате

С дальнейшей участью Пилата знакомит мастера Воланд. Всадники, летящие в волшебной ночи, останавливаются в пустынной местности. В поле их зрения возникает кресло, а в нем белая фигура сидящего человека, погруженного в размышления. Рядом с ним лежит громадная остроухая собака и так же, как и ее хозяин, беспокойно взирает на луну. «Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна... его терзает бессонница...» Во сне Пилат «видит одно и то же — лунную дорогу, и хочет пойти по ней и разговаривать с арестантом Га-Ноцри, потому что... он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана. Но, увы, на эту дорогу ему выйти почему-то не удастся, и к нему никто не приходит...»

Прочитавший роман мастера, Иешуа просит Воланда освободить Пилата Повелитель злых сил предлагает мастеру закончить свое произведение, и тот громогласно извещает Пилата: «Свободен!»

От этого крика рушатся скалистые стены, и над черной бездной загорелся необъятный город со сверкающими над ним идолами и пышно разросшимся садом. Прямо к Пилату протягивается лунная дорога, первым по которой бросается бежать пес. Вслед за своим верным сторожем кидается и прокуратор, и нельзя было разобрать — плачет он или смеется.

Финальная часть судьбы Пилата изображена во сне Ивана Николаевича Поньрева. Успокоившись после укола, он видит, что к окну протягивается широкая лунная дорога, а по ней в направлении к ночному светилу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем. Рядом с ним кто-то молодой в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чем-то с жаром спорят и, по всей вероятности, хотят прийти к согласию.

«“Боги, боги! – говорит... человек в плаще, – какая пошлая казнь! Но ты мне, пожалуйста, скажи, – тут лицо из надменного превращается в умоляющее, – ведь ее не было! Молю тебя, скажи, не было!” — “Ну, конечно, не было, – отвечает хриплым голосом спутник, – это тебе померещилось”. — “И ты можешь поклясться в этом?” – заискивающе просит человек в плаще. “Клянусь”, – отвечает спутник, и глаза его почему-то улыбаются. “Больше мне ничего не нужно!” – сорванным голосом вскрикивает человек в плаще и поднимается все выше и выше к луне, увлекая своего спутника. За ними идет спокойный и величественный гигантский остроухий пес».